

СИЛОЙ ВЕРЫ СВОЕЙ...

Самые неожиданные и отчаянные впечатления от сцены мы по-прежнему именуем старомодным, пожалуй, словом «чудо». Смущенно добавляем ныне «какое-то», как бы стесняясь собственного восторга. То, что предложил минчанам Ленинградский академический театр драмы имени А. С. Пушкина в спектакле «Пока бьется сердце», и впрямь какое-то чудо. Нет, не будем особенно обольщаться достоинствами пьесы Д. Храбровицкого: в ней можно обнаружить распространенный теперь прием нарочито клочковатых воспоминаний героя, есть и откровенная назидательность в иных сентенциях, известное щегольство осведомленностью в разных сферах. И спектакль поставлен И. Горбачевым с «хором», который сопровождает действие почти «немым» отношением ко всему происходящему — то в операционной, то на аэродроме, то в министерском кабинете. Выступающий в роли Крымова, талантливый и одержимого медика-практика, который смело проводит уникальные операции на сердце, артист Игорь Горбачев не гнушается выходами на авансцену, чтобы при полном освещении зала, выкинув вперед руку с буквально указующим перстом, высказать поучительные сентенции. Одетые в белые халаты сотрудники клиники профессора Крымова на наших глазах приступают к служебным обязанностям и переставляют на сцене декорации, мебель, реквизит. Вроде бы все это, как говорится, знакомо, бывало, применялось. Почему же тогда мы неотрывно следим за перипетиями судьбы героя? Откуда в нас это чувство абсолютного понимания Крымова в минуты его сердечных порывов и таких же трепетных покаянных исповедей? Отчего нам интересны и люди из окружения Крымова? Да и рукоплещем мы И. Горбачеву и его партнерам, увлекаемые пробужденными сценой чувствами, совершенно непосредственно благодаря театр за высокое, за правдивое искусство.

Операция на сердце... Опыты профессора Крымова прибли-

жают медицину к тому, что самый коварный инфаркт будет столь операбелен, как теперешний «какой-нибудь» аппендикс. Будут спасены жизни людей, которым недуг не помешает дописать поэмы, достроить мосты, открыть богатства земли... Может быть, как раз эта сущность служебного и человеческого призвания Крымова так властно захватывает и подчиняет зал.

Как осторожно шутит на сцене удивительно жизненный и такой нескрываемо театральный К. Адашевский в роли Бурцева, примеривая к своей больной груди модель будущего протеза сердца... Когда произносишь вот эти слова: «применяет», «протез сердца», — чувствуешь, как трудно найти слова, хоть в какой-то мере близкие к пережитому на спектакле. Тем, верно, и снижал уважение драматург и режиссер Д. Храбровицкий, что он умел вроде бы банальные, общеизвестные истины и ситуации поднимать до высоких открытий искусства. Думаю, что одна только сцена визита бывшего старшины Ковшова к Крымову с просьбой спасти сына, сыгранная А. Соколовым и И. Горбачевым почти без тени артистизма, по-взаправдашнему, а на самом-то деле с виртуозным искусством, — пример такого преодоления ординарной ситуации вкусом и искренностью автора и исполнителей ролей.

Профессор Крымов спасает, возвращает к жизни женщину по имени Майя. Она поэтесса. И среди людей теперь звучат ее стихи — то произносимые шепотом, то распеваемые под гитару. И они влюбляются друг в друга, Крымов и Майя, исцелитель и исцеленная. Их любовь усложняет существование прежде близких им людей. Терзания, угрызения совести, свидания в осенней Ялте, нарочито бодрые и по-нынешнему ворчливые тосты, разлука... «Я не могу без тебя, Крымов!» — как вопль всех женщин всех времен.

Не правда ли, прочтешь такой пересказ спектакля — обычная мелодрама. И она преодо-

лена театром. Поединок-дуэт Майи и Крымова воспринимается нами как откровение, которым застигнуты артисты Г. Карелина и И. Горбачев, когда они сами постигают сию минуту «верные» и «неверные» излучения собственных душ, благодарят судьбу за озарения и казнятся окончательно сию иных решений и шагов. Зритель знает, что Г. Карелина то наговаривает, то читает строки, принадлежащие Веронике Тушновой. Зритель верит: так поэтическая натура обжигается строкой сама и закигает чужие чувства. Стихийная жажда счастья, затрепетав в рождающемся стихотворении, ведет к осмыслению нравственных начал, и это «незнание покоя» тонко раскрыто Г. Карелиной в роли Майи.

И все-таки главный герой спектакля — Игорь Горбачев! Не только потому, что это он поставил пьесу Д. Храбровицкого, сохранив в художественной сути современного спектакля значение театра как трибуны и придав многим эпизодам предельно возможное жизненное правдоподобие, наполнив темпераментом каждый образ. Минчане помнят, сколь неожиданным был эффект выступления в гастрольных спектаклях этого же театра незабвенного Николая Симонова. Тогда поговаривали, что его нужно видеть, потому что эта манера и этот род актерского искусства, дескать, уходит вместе с Н. Симоновым. Мы спорили, восторгались, обращались к авторитету знатоков сценического искусства, сравнивали, доискивались четких формулировок, чтобы понять неотразимую прелесть подлинного, воистину величавого артистизма. И — нескрываемого.

Прошло десять лет. Совершенно иной стала сценография, иначе строит смену эпизодов режиссура. Да и сам И. Горбачев никому не подражает, у него свой талант. И все-таки ему дорог опыт, дороги традиции, которые так и зовутся — симоновскими. И. Горбачев в роли Крымова полностью сосредоточен на внутренней жи-

ни героя. Артист прислушивается к его сиюминутным порывам и все время помнит о главной цели, которой посвятил себя человек. Мало сослаться на увлечение, тут речь идет о своеобразной одержимости Крымова. Она сыграна И. Горбачевым крупно, потрясенно, вдохновенно. Удивительно, как на такой распахнутой настуж сцене артист ведет себя, словно он полностью забыл о существовании зрителей в зале. Так создается иллюзия подлинности всего происходящего на условных театральных подмостках. Подлинность не утрачена, не сведена до бытовых подробностей, не унижена суетностью. Не потому ли нас увлекает и конкретное дело профессора Крымова, и его творческая неумность вообще — как завидное качество одаренной природы?! Только мы начинаем разделять крымские страсти, сопереживать герою, И. Горбачев смело напоминает нам: вы — в театре, я — актер. А напомнив, не разрушает поэтику зрелища, созданного им же. Нескрываемая театральность представления сочетается с полным погружением в духовные муки и радости героя, когда исполнитель роли, художественно укрупняя страсть и расцветивая интонации, убеждает своей естественностью даже больше, нежели это сделал бы человек в подобных ситуациях в жизни.

Это — симоновское. Стремление впечатляюще передать через исполняемую роль определенную нравственную идею сродни профессиональной жажде актера потрясать зал. Не только приобщить, проинформировать, заинтересовать или взволновать, а именно — потрясти душу, внушив открыто, как с трибуны, актуальную мысль о призвании и предназначении человека в нашем обществе. Это и делает Игорь Горбачев в спектакле «Пока бьется сердце». Делает в симоновском духе, но по-своему — искренне и величаво, отдавая сценическому произведению весь жар своего человеческого сердца и своих гражданских убеждений.

Борис БУРЬЯН.